

другой – способом выразить себя через интерпретацию художественной действительности определенного произведения. Для преподавателя, безусловно, очень важна эта «другая» сторона, поскольку создание буктрейлеров формирует не только предметные, но и личностные, и метапредметные навыки, а также позволяет усилить субъектную позицию ученика и воспитать по-настоящему компетентного читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Аннотация // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (2019. 15 мая).

Буктрейлер // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%BB%D0%B5%D1%80> (2019. 15 мая)

Кантерев А. И. 2004. Информатизация социокультурного пространства. М: ФАИР-ПРЕСС.

Тре́йлер // [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%BB%D0%B5%D1%80_\(%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%BB%D0%B5%D1%80_(%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84)) (2019, 15 мая)

Щербинина Ю. 2012. Смотреть нельзя читать. Буктрейлерство как издательская стратегия в современной России // Вопросы литературы 3, 146–165.

УДК 821.161.1

А.В. Себелева

НАРОДНИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА КОНЦА XIX ВЕКА: ПУТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В русской литературе XIX в. особое место занимают писатели, относящиеся к так называемому «второму ряду». Условность такого термина применительно к творчеству не вызывает сомнения. К их числу примыкают имена писателей-народников, ставшие сегодня в научном мире предметом серьезного осмысления: И.Н. Потапенко, В.И. Немирович-Данченко, Н.А. Лейкин, А.В. Круглов, К.М. Станюкович, П.Д. Боборыкин, А.В. Амфитеатров, И.А. Салов и др. Все это подтверждает общую тенденцию в современной науке – системное и углубленное изучение литературного процесса во всем многообразии творческих индивидуальностей. Именно писатели народнического лагеря – того лагеря, теории которого отрицали неизбежность для России капиталистического пути развития, с наибольшей полнотой показали рост капиталистических отношений в русской деревне того времени. Примечательно, что народнические писатели в большинстве оказались свободны от идеализации общины, от оценки ее как исходного момента будущего социалистического устройства, что было самым слабым местом в теоретических суждениях народников. Большинство представителей народнической литературы к концу 70-х гг. стали отходить от реализма и проникаться утопическими, романтическими тенденциями. Часть народнических писателей стала переносить внимание от социальных проблем к психологическим, отказываясь от прежних идеалов, склоняясь к примирению с существующей действительностью. Иная разновидность народнического романтизма – активный романтизм, выражавший пафос несломленной борьбы. Генезис и характер этого романтизма напоминают романтизм декабристской литературы. Некоторые писатели, такие как И.А. Салов, пошли третьим путем, отличным от народнической литературы. Вообще народничество оказало огромное влияние на развитие литературы, определив круг тем, проблематику, тип героя на несколько десятилетий вперед. Народничество обрело статус идеологии, так как закрепило мысль о личной и деятельной ответственности интеллигенции за все происходящее в обществе. Общественное служение стало восприниматься как личный долг каждого честного человека.

Ключевые слова: массовая литература; народники; И.А. Салов; беллетристика; бытописание.

Сведения об авторе: Себелева Анастасия Валериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3 б, ауд. 305; тел.: 8(912)935-7841; e-mail: sebelevaa@mail.ru.

A.V. Sebeleva

PEOPLE'S BELETRISTICS OF THE END OF THE XIX CENTURY: WAYS OF DEVELOPMENT

Abstract. In Russian literature of the XIX century, a special place is occupied by writers belonging to the so-called «second row». The conventionality of such a term as applied to creativity is beyond doubt. Among them are the names of the narodnik writers who have become the subject of serious thought today in the scientific world: I.N. Potapenko, V.I. Nemirovich-Danchenko, N.A. Leikin, A.V. Kruglov, K.M. Stanyukovich, P.D. Boborykin, A.V. Amphitheatrov, I.A. Salov and others. All this confirms the general trend in modern science – a systematic and in-depth study of the literary process in all the diversity of creative individuals. It was the writers of the Narodnik camp, the camp whose theorists denied the inevitability of the capitalist development path for Russia, most fully showed the growth of capitalist relations in the Russian countryside of that time. It is noteworthy that most Narodnik writers were free from idealizing the community, from assessing it as the starting point for the future socialist system, which was the weakest point in the theoretical judgments of the populists. By the end of the 70s, most representatives of populist literature began to deviate from realism and become imbued with utopian, romantic tendencies. Some populist writers began to shift attention from social problems to psychological ones, abandoning former ideals, leaning toward reconciliation with the existing reality. Another kind of populist romanticism is active romanticism, which expressed the pathos of an unbroken struggle. The genesis and character of this romanticism are reminiscent of the romanticism of Decembrist literature. Some writers, such as I.A. Salov, went the third way, different from populist literature. In general, populism had a great influence on the development of literature, defining a range of topics, problems, and the type of hero for several decades to come. Populism acquired the status of ideology, as it reinforced the idea of personal and active responsibility of the intelligentsia for everything that happens in society. Public service has become perceived as the personal duty of every honest person.

Keywords: mass literature; populists; I.A. Salov; fiction; customization.

About the author: Sebeleva Anastasia Valerievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology and Mass Communications of Nizhnevartovsk State University.

В произведениях первостепенных авторов русской литературы последней трети XIX в. образ времени был неоднозначным; злободневное растворялось у них в универсальном; вместо того, чтобы давать ответы, ставились вопросы, затрудняя восприятие смысла «непросвещенным» читателям. Это и есть аргумент, чтобы «массовую литературу» рассматривать с учетом историко-литературного фактора как явление конкретной эпохи. Роль массовой литературы значительно выросла в индустриальную эпоху нового времени, эпоху «безвременья», т. е. в 1880-е гг. и вплоть до конца XIX в., а ее популярность связана с появлением нового читателя: преуспевающего чиновника, купца, учителя, вообще выходцев из низов (Шелоник 1990: 13). Обратим внимание, что такой потребитель массовой литературы был тоже внимательным читателем публицистики. Это замечание важно потому, что объясняет его интерес к серьезной беллетристике как образному свидетельству об эпохе, о господствующих в ней идеях.

«Идейной подоплекой» массовой литературы считается позитивизм как идеология, способствующая омещанию идеалов и укреплению психологии потребительства (Литературный энциклопедический словарь 1969: 213). Среди многочисленных толкований позитивизма обращает на себя внимание то его значение, которое связано с «ориентацией на практическое взаимодействие людей с их реальным окружением» (Гусев 2000: 5), а также «способность мыслить и действовать по-европейски», которая сочеталась с этическим утилитаризмом и прагматизмом действия (Солонин 1996: 94). Направленность позитивизма на реальную жизнь выразилась в 1880-е гг. в выработке программы «малых дел». Она предполагала эволюционный тип развития страны, а его реализацию связывала с ежедневным прозаическим трудом на пользу местного населения: обучением деревенских детей, распространением сельскохозяйственных знаний, повышением уровня аграрной культуры, гигиены и

лечения. Осуществить эту программу должна была интеллигенция (учителя, врачи, акушерки, земские деятели). Немаловажное значение в формировании этой программы имел неопочвеннический журнал «Неделя». Авторами программы были либеральные народники славянофильской ориентации: В.В. Юзов (зложил основания теории) и Я.Б. Абрамов (разработал ее), а также С.А. Воронов, усматривавший в самостоятельности населения рычаг общественной эволюции. Суть программы «малых дел» составляла не революционная, но культурная активность интеллигенции с привлечением к участию ее адресата, т. е. мужика (см.: Харламов 1990: 94).

Представители буржуазно-либерального крыла народничества – народники-«государственники» Г.П. Сазонов, Л.З. Слонимский, В.А. Гольцев, А.Н. Пыпин и др. – стояли на позициях осуществления прогресса с опорой на государство, т. е. бюрократию, действующую в интересах народа. Они настаивали на необходимости представительных (конституционных) органов и правовом государстве. Основанием их взглядов был позитивизм, трактуемый в либеральном смысле, который сближал их с западноевропейским стилем мышления. И первый, и второй варианты сложившихся на идейной базе позитивизма программ порывали с революционным романтизмом народников, призывали к примирению с действительностью, отрицали силовые решения в общественных преобразованиях и провозглашали идеал мирного труда, направленного на улучшение материального состояния личности и общества в целом.

Данные программы нашли отражение в произведениях «скромных реалистов-бытописателей» (И.Н. Потапенко, В.И. Немировича-Данченко, Н.А. Лейкина, А.В. Круглова, К.М. Станюковича) и натуралистов (П.Д. Боборыкина, А.В. Амфитеатрова). Особняком стоит творчество И.А. Салова. Первые воплощали в своих произведениях идеалы «малых дел», общественной активности женщины, вторые – либерально-филистерские устремления. Согласно задачам, какие ставил перед литературой позитивизм: исследовать и дать практические указания, – увлеченные позитивизмом писатели стремились дать находящемуся на перепутье обществу социальные рецепты и указать ему дорогу. Поставленные задачи они осуществляли в основном в малых жанрах: повестях, рассказах, реалистических набросках с натуры, портретах, сценках. К роману обращались главным образом писатели-натуралисты, ставившие перед собой задачу всестороннего исследования среды, ее панорамный обзор. Произведения И.А. Салова относятся к литературе о народе, преодолевающей революционные идеи народнической пропаганды. Основные темы его сочинений связаны с картинами вторжения буржуазных отношений в общинную деревню, повлекшего социальное расслоение крестьянства (История русской литературы... 2006: 321). Его творчество нельзя отнести до конца к тому или иному варианту. Писатель как бы синтезирует в своих произведениях наиболее существенные черты и дает свою оценку действительности. Можно предположить, что это некий третий путь в беллетристике конца XIX в.

Присвоение идей позитивизма в массовой литературе последней трети XIX в. осуществлялось путем проведения тенденции, являющейся результатом авторского наблюдения и осмысления действительности, в чем немаловажное значение имела текущая журналистика. Тенденция обнаруживалась уже в самом поверхностном компоненте структуры произведения – его заглавии и подзаголовках, которые в классической литературе, как правило, отражают тему или проблематику. В массовой литературе заглавие нередко важнее имени автора. Именно оно должно было привлечь внимание читателя. В рассматриваемых произведениях внимание обращают повторяющиеся заглавия: «Незаметные герои» (Вл. Немировича-Данченко), «Не герой» (И. Потапенко), «Не герои» (подзаголовок сборника А. Круглова, озаглавленного «Живые души»), а также семантически значимые, с тезисом: «Ничтожные мира сего» (Т. Щепкиной-Куперник), «На действительной службе» (И. Потапенко). Русского читателя, воспитанного на образцах высокоидейной романтической литературы, создавшей типы гамлетов и дон кихотов, «не герои» могли привлекать превратностью названия. Полемичность заглавий была вызвана задачей утверждения нового по отношению к выдвинутому вы-

сокохудожественной литературой 1840–60-х гг. героя, разумного и деятельного человека, призванного стать героем своего времени. О необходимости появления такого героя упоминал в свое время И. Тургенев, утверждая, что новая эпоха требует только полезных людей. Вопреки названию «Не герои», подразумеваемым под этой формулировкой персонажам присущ в структуре произведения статус главных действующих лиц. Так обстоит дело в романе Потапенко «Не герой». Место героя Дмитрия Рачеева в романном мире быстро меняется: от роли незваного гостя к позиции доверенного лица и наставника. Он призван автором отчитывать и судить бывших университетских друзей, созревание которых протекало в бурные шестидесятые годы, на верность идеалам молодости. Благодаря распространенному в массовой литературе «приему визита», герой выполняет важную композиционную роль, соединяя в одно целое разрозненные эпизоды, каждый из которых содержит своеобразный портрет типа. Композиционная функция героя тесно сплетается с идейной. В беседах с бывшими и новыми знакомыми: модным беллетристом, журналистом, издателем народных книжек, чиновником-либералом, «развитой женщиной» – Рачеев излагает свою систему взглядов. Каждый из собеседников является общественно-представительным типом, благодаря чему читатель получает перечень актуальных идей и мнений. Все эти персонажи, в литературоведческом понимании, – «не герои». Их функция – быть фоном, оттеняющим взгляды настоящего героя Рачеева.

Одновременно они «не герои» в идейном смысле. Основной смысл «негеройности» раскрывается автором в плане полемики с высокой литературой. Автор прибегает в ней к решениям рецептивной поэтики, а именно, к приему пропуска. Он спорит с скорректированными жизнью идеалами 1840–60-х гг. – индивидуализмом гамлетов, героизмом дон кихотов, заменяя подвиг долгом, идеалы – программой, причем не большого, а маленького масштаба, умствование «лишних людей» – приносящей конкретные результаты деятельностью. Дополнительно факт полемики проявляется в приведении ценностной шкалы: проповедник «малых дел» не претендует на верхнюю позицию по вертикали. Он средний, и это определение отражает предел его стремлений (см.: Olaszek 2002: 72). Герой не нуждается в высшей идее и удовлетворяется решением вопросов, какие несет повседневная жизнь, но, тем не менее, достигает идеала цельной гармонической личности, сочетая личное (семья, материальное благополучие) с общественным (деятельность на благо народа).

Подобным принципом выделения среднего героя, приверженца программы «малых дел», воспользовался П.Д. Боборыкин в романе «На ущербе». В нем, как и в романе Потапенко, изображены университетские товарищи поколения шестидесятых годов, которые с позиций восьмидесятых подвергаются оценке на верность идеалам молодости. Для обоснования намеченного в заглавии тезиса «поколения на ущербе» автор воспользовался приемом параллели и контраста, на которых основал конструкцию изображенного мира. Он рисует различные варианты жизненных позиций (конформизм, приспособленчество, масонство, либерализм, служба народу), приписывая их конкретным лицам. Они образуют в романе цепь структурно равноценных эпизодов. Поляризация мироотношений особо заметна во взглядах профессора, покинувшего университетскую кафедру для работы в деревне, ставшего реализатором «малых дел», и сторонника тактики приспособленчества. Мотивировка их поведения типично реалистическая. Человек по натуре способен как к жертвенности, так и к ренегатству. Выбор зависит от жизненных обстоятельств. Исход судеб героев не приносит ясного ответа на вопрос, который из выведенных типов пользуется симпатией автора. Согласно принципам натуралистической поэтики, он избегает однозначных оценок и подводит всех героев к общему знаменателю. Хотя в теории герой романа – сторонник позитивистской стратегии «малых дел» – выдержал экзамен на верность принципам, не отказался от веры в ее целесообразность, но на практике не стал ее продолжать, решив скитаться по Европе с целью обучения западным правилам жизни. Такое окончание перекликается со спорами, которые шли между народниками славянофильской ориентации, возлагавшими надежды только на рус-

скую самостоятельность, и народниками-западниками, которые рецепты развития связывали с использованием европейского опыта, и подтверждает публицистический характер произведения (см.: Olaszek 2002: 73).

Важным способом подтверждения справедливости принятой автором предпосылки является сопоставление ее репрезентанта с лицами, исходное жизненное положение которых было подобным, а окончательные результаты различными. Авторская позиция выражается в исходе судьбы героя. Для подтверждения правильности своих взглядов на самые существенные и актуальные вопросы личной и общественной русской жизни герой – носитель идеи аргументировал ее ценность фактами (успехом в распространении просвещения, ликвидацией голода). Герой выходит из жизненных препятствий полным победителем. Он человек успеха, заслуживающий стать опорой и образцом для окружающих. Таким образом, автор достигает своей цели – возвышает героев «малых», но важных дел.

Среди названий произведений И.А. Салова мы не встретим подобных, но зато в его галерее персонажей есть герои, которым близка позитивистская стратегия «малых дел». Например, в повести «Грачевский крокодил» автору удалось создать живой, отнюдь не идеализированный образ общественно активной женщины Мелетины Петровны – «тоненькой женщины лет двадцати с приятным веселым личиком и плутоватыми глазками», находчивой и энергичной, – ставший композиционным центром произведения. Всего за несколько дней она сумела завоевать любовь и доверие крестьян, не только развернула пропаганду (она говорила об «угнетении труда капиталом», о подушных податях, о «жалкой участи бабы в семье»), но даже защитила их интересы перед становым Дуботолковым. И очень скоро в окрестных деревнях появляются запрещенные брошюры. Она занимается культурно-просветительской работой в деревне, подготавливая почву для пробуждения гражданского сознания в мужике.

Сущность конфликта у писателя обычно связана с его эстетическим идеалом, который может воплощаться в художественном образе положительного героя. Используя такой прием в некоторых своих произведениях («Мелкие сошки», «Аспид», «Грызуны», «Тернистый путь»), Салов, в отличие от вышеназванных писателей, идет от обратного. О.И. Семянкова пишет, что «в основе его повестей и рассказов обычно лежит социально-бытовой конфликт, между беззащитно-циничными и корыстолюбивыми представителями «новой жизни» – кулаками, мещанами, и людьми, которые руководствуются в жизни, прежде всего, нравственными, моральными законами. Слабость, несформированность характеров последних и их поражение в столкновении с жестокой действительностью не дают нам права считать их положительными героями» (Семянкова 1997: 13). Но в то же время писатель четко выражает свои симпатии и антипатии. Он делает это опосредованно, через яркое и резкое изображение отрицательных персонажей. Чем сильнее выражены «душегубные» свойства персонажей – купца, обманывающего и обкрадывающего крестьян в рассказе «Мельница купца Чесалкина»; именитого потомственного почетного гражданина Глотова, в рассказе «Аспид» — того же Чесалкина, только в более широкой сфере, но с такой же низкой душой, жертвующего тысячи на богоугодные и благотворительные дела, но губящего родного брата, – тем более реалистично он обрисован, тем яснее становится отрицательное отношение к ним автора.

У Салова, таким образом, возникает не герой, а «антигерой». Направленность пафоса произведения именно на отрицательные стороны персонажа подчеркивает и его беспретенциозность. Эту черту поэтической системы Салова замечали все исследователи его творчества.

Более сложную задачу для писателей представляло убеждение читателя в справедливости идей позитивизма, трактуемого в либеральном смысле. Такой позитивизм предполагал цивилизационный прогресс. В его системе на первом месте стояла активность отдельной личности, направленная на материальное благосостояние. Ценились в ней трудолюбие, предприимчивость и практицизм. Игнорировались нравственные правила поведения. Позитивистская либеральная система ценностей была исторически чужда русской ментальности и

связывалась с западным типом мышления. Несмотря на это, сторонники цивилизационного прогресса надеялись привить ее русскому обществу. В массовой литературе последней трети XIX в. идеи позитивизма либерального толка появляются в основном в произведениях П.Д. Боборыкина («Китай-город», «Василий Теркин»), И. Потапенко («Здравые понятия», «Секретарь его превосходительства»), К.М. Станюковича («Без исхода», «Похождения одного благонамеренного молодого человека», «Истинно-русский человек»), Н.А. Лейкина («Кустодиевский»). В отличие от романов о героях «малых дел», построенных на конфликте поколений, в произведениях последней группы изображается поколение восьмидесятых годов, «среднее сословие» в его западном понимании, в котором преобладают типы предпринимателей, преуспевающих чиновников, интеллигентов среднего уровня, «благонамеренных людей» со «здравыми понятиями». Они отстаивают позитивистскую идею успеха, измеряемого осязательными материальными результатами.

Для передачи стремлений позитивистски настроенных героев используются различные приемы. Например, Боборыкин в своем стремлении утвердить идею ставит героя-дворянина, человека «расы», в экспериментальные условия купеческих предпринимательских порядков и следит за его поведением. Несмотря на желание вести себя «по-английски», т. е. законно, герой принимает юридически двусмысленные решения, попадает в тюрьму, но не осуждается. Автор смотрит на него равнодушным глазом бесстрастного наблюдателя. В возникшем на десять лет позже романе «Василий Теркин» позиция автора выражена более отчетливо, но и здесь совпадает с оценочной точкой зрения героя. Исследуя поведение пробивающегося на деловом поприще выходца из крестьян, автор стремится реабилитировать его. Несмотря на уголовные мотивы биографии героя, типичные для бульварного романа, находим элементы поэтизации, заметные, прежде всего, в его отношении к природе. Во внутреннем монологе, подытоживающем пройденную жизнь, герой признается, что стремление к обогащению было для него средством к реализации плана спасения приволжской природы, частью которой он сам себя осознавал. Финал показывает героя, одобряющего свои планы. Это оптимистическое окончание – свидетельство позиции автора.

Станюкович для презентации позитивистских идей прибегает к приемам антинигилистического романа, в котором они, как составная часть консервативно-либеральной идеологии, противостоят бунтующему сознанию. Автор рисует портрет героя-англомана по убеждениям, используя прием автохарактеристики, которая отличается публицистической однозначностью, а затем показывает его в действии, внедряющего на заводе «английскую» организацию труда. Таким образом проверяется практическая пригодность принципов, составлявших основу европейского образа действий. Герой – тип либерала, сторонник промышленного развития страны и решения проблемы бедности путем минимального социального обеспечения и благотворительности. Он не «кающийся дворянин» и не слепой «народник», а человек, убежденный в том, что перед каждым русским открыта возможность успеха, который связан с трудолюбием и инициативностью. В его ценностной системе они заменили дворянское происхождение. Успех он измерял материальными благами, обеспечивающими личности высокую позицию в обществе. Общественный прогресс Стрекалов связывал с местным управлением, с деятельностью земства. Эта позитивистская по своему характеру система взглядов героя дана в форме изложения, адресованного единомышленникам, и приобретает форму предвыборной речи (произносится накануне выборов председателя дворянства), построенной по риторическим правилам. Хотя ее смысл однозначный, автор вскрывает истинные стремления героя, используя прием внутреннего монолога как средства обличения. Выясняется, что в действительности героя волновал личный вопрос: как стать председателем в земском управлении для получения выгодной концессии. Стрекалов – тип «цивилизованного капиталиста», который заинтересован в личной выгоде. Он прежде всего заботится о правильном управлении заводом, соблюдении рабочими устава, эффективности системы штрафов за его нарушение. Несмотря на существование при заводе школы и больницы и на ра-

циональность системы управления, деятельность Стрекалова наталкивается на полное неодобрение со стороны рабочих. Это и есть своеобразная критика западного стиля мышления и его реализации в практике. Отношение автора к осуществляемым героем идеям выражено в оценочных высказываниях повествователя, содержащихся в иронических определениях: «примерный», «аккуратный», «безукоризненный». Так, дом Стрекаловых: «примерный во всех отношениях», в кабинете хозяйки все «безукоризненно, чисто и мило». Их супружеская жизнь тоже «примерная». Наносной характер идеи подчеркивается приемом сопоставления, построенным по принципу «свой/чужой»: устроенный на манер богатых англичан особняк Стрекаловых «казался каким-то заезжим иностранцем перед грязнополянскими домами», двор «сиял чистотой и порядком, редкими в русских дворах». Даже детали подчеркивают нерусский характер дома. Вместо швейцара, как в русских домах, «дверь заперта наглухо» с белой кнопкой электрического звонка, как это принято у западных европейцев. В кабинете хозяина висят портреты американских президентов, а Россия называется им «бедной Америкой».

Проповедуемые Стрекаловым взгляды безальтернативны. Его уклад жизни осуждается местным радикальным корреспондентом столичной прессы, а также революционным пропагандистом, но другие рецепты не предлагаются. Согласно сюжетной схеме антинигилистического романа, произведение кончается победой сил консервативных. Хотя семейная гармония Стрекаловых нарушена бегством дочери, но ее идол и обольститель умирает, а отец награжден получением концессии, о которой усиленно хлопотал.

В других произведениях, затрагивавших проблематику утверждения либеральных принципов, показано их разлагающее влияние на моральные качества человека. В их изображении писатели придерживаются жизненной правды. Это означает, что авторы массовой литературы хотели обратить внимание читателей на высокую цену, которую приходится платить за цивилизационный прогресс. Это заставляет видеть в массовой литературе серьезную беллетристику, откликающуюся на злобу дня.

В рассматриваемых романах фабула играет второстепенную роль в проведении заданной идеи. Она представляет собой цепь встреч-визитов, званых обедов и ужинов, на которых, как за круглым столом, происходит обмен мнениями. Охотно используется сюжетный прием путешествия, во время которого случайные пассажиры в непринужденной беседе обсуждают злободневные вопросы. В их высказываниях часты слова-сигналы: «прогресс», «цивилизация», «общее благо», «меньший брат». В них усматриваются криптоцитаты известных публицистических статей. Незамысловатый сюжет подчинен логике движения идей, исповедуемых героями, и основан не на сложном сцеплении обстоятельств, а на монтажном типе сцеплений. Стирается граница между публицистикой и художественным вымыслом.

У И.А. Салова тоже можно встретить подобных персонажей. Например, в уже упомянутой повести «Грачевский крокодил», в редакции 1884 г., мы встречаем лукавого священника отца Ивана. Это отличный хозяин, приумноживший свое благосостояние, ловкий делец и вообще человек из породы тех, которые не пропадают. По сути своей это крепкий, работающий мужик, наделенный практической сметкой, добротой, даром шутника и балагура. Двор его – полная чаша: куры, утки, коровы, овцы. Есть и породистые лошади, которых батюшка сам и подковывает. Но отца Ивана преследуют неудачи: его дочь Серафима оказывается жадной мещанкой, Балашовский банк, в котором он держал деньги, терпит банкротство, его сын Асклепидот приносит родителю сплошные огорчения.

Таким образом, мы видим не духовного деятеля, думающего о спасении души, а заботливого отца, успешного предпринимателя. Это не осуждается автором, но отец Иван занимается не своим делом, что свидетельствует о сознательном разрушении писателем ореола святости вокруг духовенства. И здесь Салов не поступил главным своим принципом – «изображать жизнь такой, какая она есть», «ничего не разукрашивая, ничего не прибавляя».

Занимательность серьезной беллетристике придают любовные сюжеты.

В процессе адаптации идей позитивизма любовь используется в качестве лакмусовой бумажки, испытывающей героя на верность исповедуемым принципам. Любовь, как известно, может разрушить семейное счастье, помешать реализации поставленных задач, поставить под сомнение нравственную безупречность. Герои «малых дел» выходят из этого испытания победителями. Частый в массовой литературе мотив донжуанства их не касается. В массовой литературе любовь выступает и в опошленном варианте. Такую модель любви компрометировал антинигилистический роман, поэтому творцы образов пионеров позитивизма – носителей либерально-консервативных идей, оберегают их от временных увлечений, наделяя глубоким чувством супружеской любви. Скуку семейной жизни компенсируют героям успехи на общественном поприще. В этом выражается стремление к идеализации героя как способу возвышения проповедуемой им идеи.

Важной составной частью позитивистской программы была идея экономической независимости и общественной активности женщин. Страницы массовой литературы заполнены образами эмансипированных, т. е. свободных от нравственных предрассудков и светских ограничений женщин, функция которых связана с любовной интригой, придающей сюжету занимательность. Наряду с ними встречаем образы женщин, которые хотят быть самостоятельными и хоть чем-нибудь полезными обществу, не отказываясь при этом от личного счастья. Среди них есть героини, которые только еще ищут себе поприще, героини «малых дел», идеал которых «аптечки и библиотечки»; есть деловые женщины, реализующие сценарий личного успеха на экономическом поприще, и есть заурядные женщины, вынужденные обстоятельствами зарабатывать на жизнь. Внимание авторов сосредоточено на изображении трудностей, с которыми сталкиваются женщины, стремящиеся быть самостоятельными. Им приходится преодолевать общественные стереотипы роли женщины в обществе. Описания препятствий, на которые наталкиваются женщины на пути к независимости, приобретают форму социологических исследований. Отношение создателей к выведенным героиням, как правило, положительное и выражается в их идеализации. Она проявляется в особой концентрации положительных черт, а также в экспонировании мотива жертвы, которую несет женщина ради достижения цели (отказ от любви, семьи) как способа возвышения идеи. Такова героиня пьесы Салова «Степной богатырь» дочь помещицы Алпатовой Валентина, решившая стать деревенской учительницей.

Итак, следя за проявлением и разработкой приемов передачи позитивистских идей в массовой литературе, мы убедились в стремлении ее авторов не отставать от высокой литературы с ее миссией служения обществу и создавать образцы поведения. Они стремились адаптировать идеи, используя публицистические приемы (заданность тезиса, изложение как способ презентации, риторичность, образы-понятия, знаки-сигналы, указывающие на идейные связи). Наряду с этими проверенными средствами, они обращались к полемическим приемам, используя поэтику заглавий и значащих имен, литературных аллюзий, умолчаний, пропусков, сопоставлений и контрастов, непосредственных и скрытых оценок автора. Они не достигли значительных художественных результатов, что выразилось в одномерности изображенного мира, публицистичности как жанрообразующем признаке, в иллюстративности образов героев и схематизации их внутреннего мира. Между тем, ценность массовой литературы как источника идей, волнующих русское общество, неоспорима.

В отличие от писателей-народников, И.А. Салов не занимается в своих рассказах исключительно крестьянской жизнью. В большинстве случаев крестьяне в его произведениях стоят даже на заднем плане, составляют только «фон», по которому движутся изображаемые им характеры. Он преимущественно описывает деревенскую «аристократию», ту смешанную среду, которая в деревенской жизни составляет как бы переход от крестьянства к городским сословиям. Впрочем, не в этом его главное отличие от писателей-народников, в произведениях которых лица деревенской «аристократии», как близко соприкасающиеся с народной средой, тоже фигурируют нередко. Воспитанный на произведениях И.С. Тургенева, стоящий

на эстетической позиции Ф.М. Достоевского, он отличается отсутствием предвзятой идеи, а также большей колоритностью, художественностью рассказа. В то время, когда народническая литература, под влиянием настроения общества, придавала своим произведениям характер преимущественно публицистический, Салов продолжал держаться в творчестве прежних литературных традиций.

«В произведениях писателей-народников, если постараться определить их общие черты, игнорируя исключения, сказывается довольно редкий недостаток беспристрастного изучения личности. Все они, более или менее, забывали, что целое складывается из массы отдельных особей, почему занимались не изучением личности, во всем ее разнообразии, но старались проследить в отдельных особях из народной среды черты, общие целой массе лиц. Стремление это заметно даже у Г.И. Успенского, хотя он – как талант отрицательный и сильный – в большинстве своих произведений выходит из узких рамок школы на широкий простор художественного творчества» (Уманьский 1888: 1). У других же писателей-народников лица из народной среды обыкновенно не вырисовываются во всей цельности. Читая произведения этих писателей, замечаешь, что автор интересуется не столько живыми людьми, сколько категориями явлений, причем эти категории более или менее произвольны и зависят от публицистической точки зрения автора. Писатели-народники в своих описаниях гораздо удачнее поэтому схватывали черты массовой психологии, чем личной. Отдельные персонажи являлись у них лишь для иллюстрации массового настроения, изображенные постольку, поскольку они нужны были для данной задачи. Такой способ изображения неизбежно нарушает психологическую гармонию характеров, потому что в последних выступают ярче черты сословного различия, а общечеловеческая суть остается в тени. И действительно, в произведениях писателей-народников лица нередко сглаживаются и исчезают, а взамен их господствует характеристика того собирательного целого, которое принято называть народом.

И.А. Салов, как это показывают и самые первые, и самые последние его произведения, чужд вышеуказанного публицистического направления в беллетристике. Он выступает как художник, заинтересованный в том, чтобы как можно вернее передать встреченный им характер. Описывает ли он в «Забытой усадьбе» слугу при крепостном праве, раба душой, у которого только и осталось, что привязанность к господам, изображает ли в «Грачевском крокодиле» станового, выколачивающего взятки, описывает во многих рассказах незаконно разбогатевшего крестьянина с его афоризмом: «на то и щука в море, чтоб карась не дремал», – видишь, что прежде всего его занимают люди, верное воспроизведение их облика. Благодаря этому, он, хотя и уступает некоторым из писателей-народников яркостью таланта, нередко превосходит их жизненностью изображения, большей цельностью рисуемых характеров. «Например, странно и сравнивать его, по силе таланта, по глубине содержания и по широкой постановке творчества, с таким крупным дарованием, как Г.И. Успенский. Разница, несомненно, значительная, и эта разница ничуть не в пользу произведений г. Салова. А между тем, если взять самый метод изображения, или, вернее, отношение автора к объекту описания, то нельзя не признать, что творчество г. Салова – на первый взгляд, по крайней мере – больше отвечает правильно понимаемым задачам художественного творчества» (Уманьский 1888: 2). В его произведениях спускаешься не от общей идеи к людям, иллюстрирующим идею, но от людей поднимаешься к общей идее, к заключению о целом.

Резюмировать все вышесказанное могут слова К.П. Медведского: «Для ознакомления с деревенским бытом г. Салов положительно сделал не меньше, чем так называемые народники, которые во все стороны поворачивали мужика и анализировали не только его ревизскую душу, но даже лапти и пестредяные порты. У г. Салова нет предвзятости, с которой народники приступают к изображению деревенской жизни, а поэтому нет и скачков, которые наблюдаются у всех народников, и особенно у таких, как, например, покойный Каронин (Петропавловский). Начнут такие народники изображать мужика в идеальном виде, а потом, в силу

особых соображений, вдруг переменять фронт и начнут представлять уже окончательно бессмысленной скотиной. Не много вынесешь из такого описания народной жизни – описания явно тенденциозного, согласованного с предвзятой идеей. Очевидно, и здесь, то есть в компании народников, г. Салов будет не на месте: он принадлежит целиком Тургеневской художественной школе, и в этом его величайшее достоинство» (Медведский 1893: 173).

ЛИТЕРАТУРА

- Гусев С. С. 2000. Позитивизм и реализм в России // *Idee pozytywizmu w piśmiennictwie rosyjskim: Materiały międzynarodowej konferencji naukowej* (Jydu, 18 – 19 wrzeźnia 2000 r.) / Pod red. B. Olaszek. Jydu, 5.
- История русской литературы XIX века. 70–90-е годы. 2006 / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.П. Громовой, В.Б. Катаева. М.: Оникс.
- Литературный энциклопедический словарь. 1987 / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия.
- Медведский К. П. 1893. Современные литературные деятели. И.А. Салов // *Исторический вестник* 10, 167–173.
- Семянкова О. И. 1997. И.А. Салов как прозаик демократического направления в русской литературе 60–80-х годов XIX века: Научно-методическое пособие. Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та.
- Солонин Ю. Н. 1996. К пониманию феномена позитивизма / Под ред. А.К. Секацкого, К.С. Пирогова // *Скромное обаяние позитивизма (позитивизм и его альтернативы в современной философии): Материалы конференции* (г. Санкт-Петербург, 15–16 декабря 1995 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Уманьский А. 1888. Литературно-критические этюды. И.А. Салов // *Волжский вестник* 53. 25 февр., 1–2.
- Харламов В. И. 1990. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников / Под ред. В.Ф. Антонова // *Из истории общественно-политической мысли в России XIX века: Межвуз. сб. науч. тр.* М.: Изд-во МГПИ.
- Шелоник М. И. 1990. А.П.Чехов и И.Н. Потапенко (проблемы творческих взаимосвязей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Olaszek B. 2002. О приемах адаптации идей позитивизма в русской массовой литературе последней трети XIX века / Под ред. Н.Л. Вершининой // *Забытые и второстепенные писатели XVII – XIX веков как явление европейской культурной жизни: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Е.А. Маймина* (г. Псков, 15–18 мая 2001 г.). Т. 1. Псков: Изд-во областного центра народного творчества, 68–79.